летия в России готовили почву для объединения тончайшего мастерства с демократической народной основой, для нового искусства, осуществленного Пушкиным.

Недаром учеником — во многом — Державина был в своей поэтической работе Радищев; недаром он ценил Фонвизина и использовал его сатирическую манеру, как и его языковые открытия; и в то же время Радищев был наследником русских демократов-мыслителей, наследником и Чулкова. Он же был, вероятно, вдохновителем Крылова. В нем сошлись пути развития русской передовой культуры XVIII столетия.

Радищев — одна из величайших проблем русской литературы до-пушкинского времени. На изучение его, на осмысление его деятельности придется еще советской науке положить немало сил, и она обязана выполнить эту почетную задачу.

В. И. Ленин писал в 1914 г.: «Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика» (Соч., т. XVIII, стр. 81).

Итак, линия преемственности революционной мысли и революционного действия, традиция подлинного демократизма находят свое первое замечательное проявление в деятельности Александра Николаевича Радищева.

Радищев — поистине колоссальная фигура. Очень и очень многое в русской действительности и культуре конца XVIII и начала XIX вв. может нам уяснить изучение Радищева. Его деятельность и творчество были итогом накопления сил демократической мысли XVIII столетия, и он явился на заре будущих революционных движений — декабристского ближайшим образом. Пушкин, поэт декабристского движения, органически связан с опытом Радищева, определившим вообще много прекрасных проявлений творческого духа и освободительной мысли в русском обществе начала XIX столетия, да и позднейших времен. К сожалению, приходится констатировать, что и до недавнего времени были не до конца изжиты привычки недооценки Радищева.

Радищев был последним и наиболее блестящим из плеяды мыслителей-энциклопедистов XVIII столетия в России. В этом отношении за его плечами стояла традиция, начатая Ломоносовым и продолженная более скромными деятелями, вроде Я. П. Козельского. Именно эту традицию завершал Радищев, не уступавший в широте своих знаний лучшим людям мировой культуры XVII—XVIII вв. Фундаментально изучил Радищев все существовавшие в его время науки, и во всех был не столько учеником, сколько самостоя-